

Ветхозавѣтный проретизмъ, какъ основная, типическая черта библейской исторіи Израиля ¹⁾.

Ваше Преосвященство,
Мм. Государи!

Кому приходилось бывать въ крупныхъ культурныхъ центрахъ западной Европы, въ такихъ міровыхъ ея столицахъ, какъ Римъ, Парижъ и Лондонъ, или если не посѣщать ихъ самому, то слышать или читать описанія чужихъ посѣщеній, тѣмъ, безъ сомнѣнія, долженъ быть хорошо знакомъ одинъ похвальный обычай всѣхъ заграничныхъ гидовъ, или проводниковъ. Они, именно, прежде чѣмъ начать съ довѣрившимися имъ клиентами детальный осмотръ мѣстныхъ памятниковъ и достопримѣчательностей, обыкновенно, ведутъ ихъ на какой-либо наиболѣе центральный, возвышенный пунктъ—будетъ-ли то колокольная соборъ, специальная башня, или особый монументъ—но непременно такой, съ высоты котораго открывалась-бы наиболѣе широкая и свободная перспектива города. Стоя здѣсь, иногда чуть не на высотѣ птичьяго полета, и наслаждаясь дивнымъ видомъ разстилающейся у его ногъ панорамы, очарованный туристъ имѣетъ полную возможность сразу-же, однимъ взоромъ охватить почти всю картину города, и такимъ путемъ получить о немъ первое, б. м. самое сильное, хотя и очень еще общее, представленіе. А умѣлыя объясненія проводника, искусно подчеркивающія наиболѣе важные штрихи этой картины, усиливаютъ и дополняютъ впечатлѣніе отъ нея: они помогаютъ лучше ориентироваться въ рассматриваемой картинѣ и за-

¹⁾ Вступительная лекція по кафедрѣ Библейской исторіи, прочитанная въ присутствіи гг. профессоровъ и студентовъ Академіи 10-го Января 1907 года

крѣпляють ее въ сознаніи. Въ Римѣ роль подобнаго обсервационнаго пункта играетъ куполь знаменитаго храма св. Петра, въ Парижѣ — извѣстная Эйфелева башня, въ Лондонѣ — специальный монументъ на Fisch Street Hill.

Выступая сегодня предъ вами впервые, въ нѣсколько аналогичной роли руководителя или проводника по обширному лабиринту библейско-исторической науки, я невольно чувствую ту же самую потребность—раньше специального изученія различныхъ деталей этой сложной и немало запутанной ея врагами и друзьями исторіи, найдти и указать въ исторіи библейскаго Израиля такой центральной, опорный пунктъ, который-бы и самъ по себѣ былъ достаточно характеристиченъ для нея, а главное открываль-бы возможность окинуть однимъ общимъ взоромъ, какъ внѣшній ходъ главныхъ событій библейской исторіи, такъ и ихъ внутреннюю, идейную связь.

Позволю себѣ выразить увѣренность, что мы не погрѣшимъ противъ истины, если такимъ центральнымъ, обсервационнымъ пунктомъ всей ветхозавѣтно-библейской исторіи признаемъ „Еврейскій профетизмъ“, т. е. „служеніе, пророковъ“, красной нитью проходящее чрезъ всѣ эту исторію и сообщающее ей особый, индивидуальный отпечатокъ.

Мы съ тѣмъ бѣльшимъ удовольствіемъ останавливаемся на вопросѣ о „ветхозавѣтномъ профетизмѣ“, что онъ пользуется особеннымъ вниманіемъ не только у представителей положительнаго и посредствующаго богословія, но и въ лагерѣ либеральныхъ богослововъ, у всѣхъ видныхъ представителей библейско-отрицательной критики.

Господствующая теперь вельгаузеновская библейско-критическая школа не оставила, какъ извѣстно, почти камня на камнѣ изъ зданія старой, традиціонно-ортодоксальной библейской исторіи: она все здѣсь переставила и перецѣнила, а многое и вовсе отвергла, или объяснила совершенно заново.

И вотъ, среди такого общаго разрушенія—этого своеобразнаго Sturm und Drang'a—остался пощаженнымъ, или, по крайней мѣрѣ, сравнительно меньше другихъ пострадалъ лишь одинъ пунктъ библейской исторіи, именно „ветхозавѣтный профетизмъ“, по отношенію къ которому радикальная критика проявила даже особое, исключительное внима-

ніе и любезность. Она не только не отвергла его библейскаго значенія и роли, но, если можно такъ выразиться, возвела даже ихъ въ квадратъ и положила въ главу угла своихъ новыхъ, quasi единственно научныхъ реконструкцій настоящей, подлинной исторіи Израильскаго народа.

Мы не хотимъ, разумѣется, сказать этимъ того, что отрицательная критика раздѣляетъ здѣсь всѣ взгляды ортодоксіи, въ томъ числѣ признаетъ и сверхъестественный характеръ библейскаго профетизма: такой ереси, съ точки зрѣнія своихъ эволюціонно-натуралистическихъ теорій, она, конечно, допустить не можетъ. Но кромѣ этого, почти единственнаго пункта расхожденія, современная раціоналистическая критика допускаетъ всѣ остальные воззрѣнія традиціоннаго богословія на историческую роль библейскихъ пророковъ; а въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ,—напримѣръ, въ вопросѣ о композиціи ветхозавѣтнаго канона и образованіи т. н. „этического монотеизма“—критическая школа идетъ дальше ортодоксіи, доходя до очевиднаго преувеличенія роли профетизма.

Для иллюстраціи этого, довольно указать хотя-бы на тотъ основной тезисъ велльгаузеновской школы, ставшій для нея, своего рода, догматомъ, что „мозаизмъ“ (т. е. Пятонкижіе) и „этический монотеизмъ“ (основная сущность в-з. религіи) обязаны будто-бы своимъ происхожденіемъ не кому либо другому, а именно Еврейскимъ пророкамъ, преимущественно, пророкамъ—писателямъ, которые въ періодъ времени между половиной IX-го и половиной V-го вѣка создали, будто-бы, такъ называемый, Priestercodex, т. е. всю, вообще, важнѣйшую священную литературу Библии—ея тору и небимъ (законъ и пророки).

Слѣдовательно, въ вопросѣ о ветхозавѣтномъ профетизмѣ, точнѣе, его библейско-исторической роли, мы имѣемъ очень рѣдкій, можно даже сказать, исключительный случай—трогательнаго совпаденія данныхъ Библии съ выводами свободной критики. Если съ чѣмъ здѣсь и приходится еще считаться положительному богословію, то скорѣй съ крайностями преувеличенія и произвольнаго расширенія библейскихъ рамокъ, чѣмъ съ обычнымъ явленіемъ умаленія, или даже полнаго отрицанія его традиціонныхъ взглядовъ.

Указанная исключительность вопроса о библейскомъ профетизмѣ еще болѣе побуждаетъ насъ открыть свой курсъ,

именно, съ него. Въ самомъ дѣлѣ. Вѣдь библейская исторія строится, главнымъ образомъ, на основаніи исторической литературы Библии, т. е. Пятокнижія и книгъ спеціально историческихъ (I—IV кн. Цар. и I—II Паралипом.). Рационалистическая-же критика рѣшительно заявляетъ, что вся эта литература—неподлинна: она позднѣйшаго, профетическаго происхожденія. Возникновеніе названной литературы, ея послѣдовательная обработка и сводка,—все это, по взгляду отрицательной критики, дѣло рукъ пророковъ и священниковъ, и находить свое естественное объясненіе въ существѣ и задачахъ ветхозавѣтнаго профетизма, раскрывающихся въ исторіи его постепенной эволюціи. „Поэтому съ трезвой научной точки зрѣнія слѣдуетъ, насколько это возможно, провѣрять историческія книги пророческими“—говоритъ, напр. авторъ одной переводной, довольно популярной у насъ монографіи: „такъ и поступаетъ современная высшая библейская критика. Она подвергаетъ Ветхій Завѣтъ самому тщательному изученію при свѣтѣ, проливаемомъ пророческими писаніями, пользуясь этими, наиболѣе достовѣрными документами, для провѣрки прочаго историческаго ветхозавѣтнаго матеріала“¹⁾.

Слѣдовательно, правильная, чисто научная постановка библейской исторіи, неизбежно предполагающая критику ея источниковъ, не можетъ обойти молчаніемъ и вопроса о библейскомъ профетизмѣ, къ которому хотятъ свести всѣ первоисточники нашей науки. Здравая критика обязана, въ виду всего этого, даже начать, именно, съ вопроса о библейскомъ профетизмѣ, и во всякомъ случаѣ, остановиться на немъ съ особеннымъ вниманіемъ и, по возможности, рассмотреть его со всѣхъ сторонъ.

Высокая важность вопроса о „библейскомъ профетизмѣ“, его широта и многогранность, породили на Западѣ, помимо общихъ библейско-историческихъ курсовъ (Ewald, Renan, Wellhausen, Kuenen, Stade, Kohler, H. Guthe etc.) и библейско-богословскихъ системъ (Schultz, Oehler, Riehm, Dillmann etc.) и огромную спеціальную литературу самыхъ разнообразныхъ направленій и отгѣнковъ.

1) *I. Сендерлендъ* „Священные книги Ветхаго и Новаго Завѣта“. Книгоизд. Мысль 1907 г. стр. 78 ая „Наилучшую иллюстрацію этого—говоритъ Сендерлендъ—можно найти, пожалуй, въ сочиненіи Кюенена“

Не задаваясь цѣлью исчерпать всю эту литературу, мы укажемъ только нѣкоторыя важнѣйшія, или новѣйшія монографіи о библейскомъ профетизмѣ, и отмѣтимъ тѣ точки зрѣнія, съ которыхъ онѣ рассматриваютъ его специально.¹⁾

Такъ, съ точки зрѣнія теоріи богодухновенности и личной роли пророка вопросъ о профетизмѣ обстоятельно трактуется у *Hofmann'a* „Weisagnug und Erfüllung“ 41—44 г. у *Fr. König'a* „Der Offenbarungsbegriff des Alten Testaments“ I—II в. 1882, у *Giesbrecht'a* „Berufsbegabung der A. T. Propheten“ 1897, у *Ed. König'a* „Das Berufungsbewusstsein der alttestamentlichen Propheten“ 1900, *Gautier* „Die Berufung der Propheten 1903 г. и во многихъ другихъ статьяяхъ и курсахъ, у авторовъ положительнаго или посредствующаго богословія.

Тотъ-же самый вопросъ о существѣ и происхожденіи профетизма, но съ другой—естественно-натуралистической точки зрѣнія, всесторонне освѣщается въ многочисленныхъ монографіяяхъ отрицательной школы, изъ числа которыхъ назовемъ: *Reuss'a* „Les Prophetes“ 1876, *Kuennen'a* The Prophets and the Prophecy in Israel—1877, *Maybaum'a* „Die Entwicklung des israelitischen Prophetenthums“ 1883, *Krätzschmar'a* „Prophet und Seher in alt. Israel“ 1901, *Davidson'a* „Old Testament Prophecy“ 1903, *I. Revill'a* „Le prophetisme hebreux“ 1906 и мн. др.

Отношеніе профетизма къ завѣту и закону, его значеніе въ исторіи ветхозавѣтной теологіи и, вообще, въ исторіи раскрытія царства Божія на землѣ, съ разныхъ точекъ зрѣнія рассмотрѣно въ сочиненіяяхъ: *Hengstenberg'a* „Christologie des Al. Testaments“ 1829—1832, *Knobel'a* „Der Prophetismus des Hebräer“ 1837, *Fr. Delitzsch'a* „Die biblische prophetische Theologie“ 1845, *Ewald'a* „Die Propheten des Alten Bundes“ 1867, *Küper'a* „Das Prophetenthum Alt. Bundes“ 1870, *R. Smend'a* „Moses apud Prophetos“ 1875, *Duhm'a* „Die Theologie der Propheten“ 1875 (лучшій изъ критич. трудовъ по данному вопросу), *Bredenkamp'a* „Gesetz und Propheten“ Ein Beitrag zur alttest. Kritik, 1881 (основательный разборъ критическихъ теорій), *Orelli* „Die alttestamentliche Weisagung von der Vollendung des Gottesreiches in ihrer geschichtlichen Entwickelung dargestellt“ 1882 и др. 1).

¹⁾ Недавно появилась объ этомъ и прекрасная, оригинальная статья русскаго ученаго—*проф. М. М. Тарьева*: „Ветхозавѣтное царство и пророчество“ Христіанскій 1907 г Ноябрь Она вошла, потомъ, и въ полное собраніе его сочиненій. „Жизнь и ученіе Христа“ ч. II, 1908 г 81—109 стр.

Обстоятельный историческій очеркъ библейскаго профетизма, въ связи съ общимъ ходомъ исторіи Израиля и Іуды, данъ въ ученомъ трудѣ *R. Smith'a* „The Prophets of Israel and their place in History“ 1882, недавно вышед. уже въ пятомъ изданіи, съ введен. и примѣчаніями *Cheyn'a*—1907 г. Здѣсь же должна быть отмѣчена и монографія *Procksch'a* „Geschichtsbetrachtung und geschichtliche Ueberlieferung bei den vorexilischen Propheten“ 1902.

Специально-мессіанская сторона служенія ветхозавѣтныхъ пророковъ съ положительной и отрицательной точекъ зрѣнія, кромѣ вышеназванныхъ трудовъ *Hoffmann'a*, *König'a* *Hengstenberg'a* и др. разсматривается еще у *Riehm'a* „Die Messianische Weissagung“ 1885, у *Huhn'a* „Die Messianische Weissagungen des israelit-judische Volkes“ 1899 и *Volz'a* „Die vorexilische Iahwepropheti und der Messias“ 1897 (трудъ рѣзко отрицательный).

Съ социально политической проповѣдью пророковъ знакомитъ насъ актовая рѣчь проф. *Aug. Dillmann'a* „Ueber Propheten des Alt. Testaments nach ihrer politischen Wirksamkeit“ 1868 г. А также: *Kübel* „Die soziale und volk-wirtschaftliche Gesetzgebung A. T. 1870, *Walter* „Die Propheten in ihrer sozial. Beruf una das wirtschaftleben ihrer Zeit“ 1900, *P. Kleinert* „Die propheten Istraels in sozialer Beziehung, 1905 и др.

Наконецъ, одинъ изъ важнѣйшихъ вопросовъ—отношение библейскаго профетизма къ языческой мантикѣ—болѣе или менѣе, выясненъ у *Oehler'a* „Ueber die Verhältniss der Alt. Prophetie zur heidnischen Mantik“, у *W. Davies* „Magic, divination and demonology amongs the Hebrew and their neighbours“, у *Scholz'a* „Götzendienste und Zauberwesen alt. Hebräern“ у *K. Köhler'a* „Der Prophet der Hebräer und die Mantik Griechen“ 1860 и др.

Такъ какъ настоящимъ своимъ очеркомъ м., конечно, нисколько не претендуемъ дать исчерпывающую характеристику „библейскаго профетизма“ со всѣхъ указанныхъ сторонъ, то во избѣжаніе всякихъ недоразумѣній, заранѣе-же оговариваемся, что свою прямую, ближайшую задачу мы сознательно ограничиваемъ, на этотъ разъ, исключительно рамками положительной, историческаго характеристики, т. е. говоря опредѣленнѣе и яснѣе, сводимъ ее къ тому, чтобы кратко прослѣдить историческую эволюцію ветхозавѣтнаго

профетизма и дать, на фонѣ этого специфическаго явленія библейской исторіи сжатый очеркъ ея главныхъ внѣшнихъ этаповъ и основныхъ внутреннихъ моментовъ.

I.

Въ самомъ общемъ и широкомъ смыслѣ слова, терминъ „профетизмъ“ обнимаетъ собою всѣ тѣ формы и виды посредства, путемъ которыхъ божество открываетъ свою волю человѣчеству. Въ этомъ смыслѣ, профетизмъ можно признать универсальнымъ явленіемъ и слѣды его наблюдать положительно во всѣхъ, сколько-нибудь развитыхъ, религіяхъ древняго и новаго міра. Такимъ пророкомъ будетъ каждый жрецъ и проричатель, являющійся посредникомъ между божествомъ и его поклонниками, безъ чего, въ сущности, не обходится ни одна религія.

Но даже и съ этой естественно-исторической точки зрѣнія, существованіе префетизма всего характеристичнѣе, именно, для семитизма, въ которомъ связь божества съ человѣкомъ,—а отсюда и необходимость соотвѣтствующаго посредства, — чувствуется интенсивнѣе и глубже, чѣмъ въ болѣе разсудочныхъ и холодныхъ религіяхъ далекаго Востока (Индіи, Китая), или античнаго міра (Греціи и Рима).

Будучи столь типичнымъ для семитизма, вообще, профетизмъ является специфическимъ признакомъ для еврейства, въ частности, какъ это тонко подмѣтилъ еще Ренавъ. „Специфическій характеръ генія Израиля развивается лишь вмѣстѣ съ пророками“ — говоритъ онъ: „у Израиля „наби“ съ весьма ранней эпохи стали пользоваться громаднымъ моральнымъ вліяніемъ... Только благодаря развитію профетизма Израиль занялъ исключительное мѣсто въ мировой исторіи... Это необычайное развитіе профетизма, представлявшаго, если такъ можно выразиться, ось религіозной исторіи всего человѣчества, имѣло мѣсто, главнымъ образомъ, въ Самарійскомъ царствѣ, при династіи Ахава“ 1). Особенно рѣшительно и сильно выражаетъ эту мысль нашъ русскій, видный богословъ, проф. М. М. Тарѣвъ, который глубоко справедливо

1) Э. Ренавъ „Исторія Израильскаго народа“ 2 т. изд. Н. Глаголева, 149 стр.

говорить: „Еврейская религія есть религія пророковъ. Пророчество выражаетъ самую сущность религіи Іеговы, какъ религіи теистической, не стихійно-языческой, а разумно человѣческой, богочеловѣческой“ ¹⁾.

Немного нужно наблюдательности и для того, чтобы видѣть, какъ универсальный профетизмъ, на еврейской почвѣ, получаетъ значительно иную окраску, новую форму, болѣе опредѣленный, устойчивый и высокій смыслъ. Здѣсь онъ уже не носитъ тѣхъ смутныхъ очертаній и неопредѣленныхъ намековъ на различныя, нерѣдко крайне туманныя и загадочныя формы (астрологическія гаданія по знакамъ зодіака и теченію планетъ, или натуралистическія — по шелесту листьевъ, журчанью ручья, полету птицъ, внутренностямъ жертвенн. животныхъ), которыми обычно характеризуется языческая мантика; а прямо и ясно указываетъ на откровеніе, и притомъ, на откровеніе путемъ „слова“, въ которомъ живой и личный Богъ Израиля — его Іегова благоволилъ возвѣщать Свою волю тоже личнымъ и сознательнымъ агентамъ—вѣрнымъ Его слугамъ, ветхозавѣтнымъ пророкамъ.

Болѣе точное и правильное пониманіе ветхозавѣтнаго, библейскаго профетизма должно, разумѣется, устанавливаться, прежде всего, филологическимъ анализомъ соответствующаго еврейскаго термина и его библейскимъ словоупотребленіемъ.

Опуская, за недостаткомъ времени, различныя подробности своей филологической справки, даемъ прямо ея результаты. Изъ всѣхъ библейскихъ терминовъ, имѣющихъ непосредственное отношеніе къ профетизму и характеризующихъ собою различныя его стороны, самымъ главнымъ и общепотребительнымъ слѣдуетъ признать терминъ—נָבִי (nabi). Еврейское существительное נָבִי происходитъ отъ семитическаго корня נָבַן=„быть полнымъ, литься черезъ край, выбивать“—заключаетъ въ себѣ удачный образъ вдохновенной, ораторской рѣчи, свободно льющейся изъ переполненнаго вдохновеніемъ сердца пророка. Библейское же словоупотребленіе этого термина всего лучше выясняется изъ его „довольно часто встрѣчающейся параллели—„уста Іеговы“. (פִּי יְהוָה)

¹⁾ Проф М М Таръевъ „Ветхозавѣтное царство и пророчество“ 536 стр. в істианинъ 1907, Ноябрь.

ⲉ Наглядную иллюстрацію такого близкаго параллелизма терминов *nabi* и *phi* Іегова представляет исторія Моисея и Аарона, при Хоривскомъ богоявленіи (Исх. IV, 11—12, 15—16), гдѣ Ааронъ неоднократно называется „устами“ косноязычнаго Моисея и гдѣ, вмѣстѣ съ тѣмъ, отношеніе Аарона къ Моисею уподобляется отношенію пророка къ Богу (IV, 16 ст.).

Слѣдовательно, и по значенію самаго корня и по употребленію въ Библии, еврейскій терминъ נָבִיא не имѣетъ той односторонности, какая присуща греческому обозначенію пророка, какъ *προφήτης*, т. е. какъ только „предсказателя (*φημι*) будущаго“, или „провидца, прорицателя“, синонимомъ чего является еврейскій терминъ זָכֵן , такъ нерѣдко прилагаемый къ пророкамъ.

Согласно общему библейскому воззрѣнію, נָבִיא —органъ божественнаго откровеннаго слова, которое равно можетъ касаться, какъ неизвѣстнаго людямъ будущаго (таковы всѣ мессіанскія пророчества В. З.), такъ и невѣдомаго имъ прошедшаго (откровеніе Моисею космогоніи), а также и современнаго пророкамъ настоящаго (таковы всѣ пророческія обличенія царей и народовъ за ихъ уклоненія отъ воли Іеговы).

Исторія и практика библейскаго употребленія термина נָבִיא позволяетъ, однако, различать два главныхъ его смысла: одинъ—болѣе широкій, другой—сравнительно узкій, такъ сказать, спеціальный.

Въ первомъ смыслѣ признакомъ *nabi* характеризуются всѣ избранники Іеговы, съ которыми Онъ благоволилъ вступать въ тѣ или иныя непосредственныя отношенія—открывалъ имъ Свою святую волю, или являлъ особое покровительство и милость. Въ этомъ смыслѣ терминъ *nabi* прилагается, прежде всего, ко всему Израилю, поскольку онъ былъ особымъ, избраннымъ народомъ, котораго Іегова взялъ въ удѣлъ Себѣ и которому ввѣрилъ словеса Божіи, въ частности и для того, чтобы онъ повѣдалъ ихъ всему міру, т. е. осуществилъ-бы тѣмъ самымъ одну изъ главныхъ, спеціально-пророческихъ функцій. Недаромъ, про Израиля говорятъ, что это былъ „народъ пророковъ, народъ пророкъ“, предназначенный служить „свѣтомъ въ откровеніе языковъ“—людей, „сѣдящихъ во тьмѣ и сѣни смерти“. Вотъ, почему также и пламенной мечтой началовождя ветхозавѣтной теократіи—великаго

пророка Божія Моисея—было его задушевное желаніе, своего рода, молитва, увѣковѣченная въ книгѣ Числь: „о, если-бы всѣ въ народѣ Господнемъ были пророками, когда-бы Господь послалъ Духа Своего на нихъ“! (Числ. XI, 29).

Однако этого, какъ мы знаемъ, не случилось: вся масса сыновъ Израиля была далеко не достойна непосредственнаго общенія съ Яеговой. Тогда, для осуществленія цѣлей своего водительства Израилемъ, Яегова изъ среды всего народа, время отъ времени, воздвигаетъ особыхъ избранныхъ вождей, которые, выступая какъ бы посредниками между Израилемъ и Яеговой, являются *nebiim*, т. е. „пророками“, въ самомъ общемъ и широкомъ смыслѣ этого слова. Въ этомъ качествѣ пророками слѣдуетъ признать всѣхъ ветхозавѣтныхъ патріарховъ (Адама, Эноха, Ноя, Авраама, Исаака, Якова), всѣхъ судей и вождей и многихъ благочестивыхъ еврейскихъ царей.

Исторія другаго, болѣе спеціальнаго и узкаго примѣненія термина *nebiim* начинается съ эпохи формальнаго учрежденія ветхозавѣтной теократіи и стоитъ въ самой тѣсной связи съ существомъ и задачами послѣдней.

Моментомъ окончательнаго установленія ветхозавѣтной теократіи должно считать синайскій завѣтъ и моисеево законодательство, ставившее его въ извѣстныя, строго опредѣленныя рамки съ той и другой изъ договаривающихся сторонъ. Отъ Израиля требовалось исполненіе закона и послушаніе выраженной въ немъ благой и совершенной волѣ Яеговы, а отъ лицъ Яеговы давалось обѣщаніе вырастить и укрѣпить Израиля, сдѣлать его „царствомъ священниковъ и народомъ святымъ“ (Исх. XIX, 5—6). Для этой цѣли Яегова сталъ не только Богомъ, но и Царемъ Израиля, который заправлялъ всѣмъ ходомъ его общественно-политической жизни, чтобы вести ее къ осуществленію идеальныхъ задачъ теократіи.

Но такъ какъ Яегова, въ силу своей абсолютности и надмірности, не могъ, разумѣется, нисходить до фактическаго личнаго вмѣшательства въ историческую жизнь Израиля, то для этой цѣли Онъ учредилъ два постоянныхъ теократическихъ органа, или параллельныхъ института: носителей духовной власти, въ формѣ священства, и представителей гражданской, въ послѣдовательномъ рядѣ вождей, старѣйшинъ, судей и, наконецъ, царей. Въ руководство-же тѣмъ

и другимъ данъ былъ *законъ*, который нужно было вѣрно понять и точно исполнить.

При правильномъ функционированіи названныхъ институтовъ задачи теократіи были-бы, болѣе или менѣе, обеспечены и ея идеальныя цѣли медленно, но неуклонно-бы осуществлялись. Къ сожалѣнію, этого не произошло. Постоянные органы теократіи далеко не всегда стояли на высотѣ поставленныхъ имъ задачъ: чаще всего они ихъ не понимали, что можно сказать, напр. о священствѣ, которое за слѣпой привязанностью къ внѣшней, обрядовой сторонѣ культа, не видѣло его таинственной символики и не постигало спасающей внутренней силы закона; а иногда и сознательно отъ нихъ уклонялись, что справедливо будетъ замѣтить, напр. о царской власти, которая и принципиально, и фактически была, по большей части, враждебна теократическому духу.

Въ виду такой недостаточности для достиженія возвышенныхъ цѣлей теократіи двухъ постоянныхъ ея органовъ, явилась настоятельная нужда въ третьемъ, чрезвычайномъ органѣ теократіи, въ такомъ именно, который бы, восполняя уклоненія и недочеты двухъ первыхъ, являлся-бы самымъ лучшимъ и наиболѣе совершеннымъ ея орудіемъ. Этимъ нарочитымъ органомъ ветхозавѣтной теократіи и „былъ библейскій проретизмъ“, т. е. служеніе пророковъ—особыхъ, чрезвычайныхъ и полномочныхъ провозвѣстниковъ божественной воли, которыхъ Самъ Іегова воздвигалъ народу въ потребныхъ случаяхъ его религіозно-нравственной и общественно-политической жизни. И если два первыхъ, постоянныхъ органа ветхозавѣтной теократіи допускаютъ сравненіе ихъ со скорлупой, или наружной оболочкой, въ которую былъ завернуть сокровенный внутренней смыслъ идеи завѣта Іеговы съ Израилемъ, то эту послѣднюю, чрезвычайную форму (пророческое служеніе), по всей справедливости слѣдуетъ признать самый *душой теократіи*, воплощеніемъ и выраженіемъ ея идеальныхъ надеждъ, конечныхъ цѣлей и стремленій.

Исполнительными органами этого чрезвычайнаго, высшаго теократическаго института и выступали ветхозавѣтные пророки, *невіиш*, въ болѣе узкомъ, библейско-специфическомъ смыслѣ даннаго слова. Это были лица, которыя, отчасти благодаря собственнымъ качествамъ и усилямъ, а главное—

озарявшей ихъ божественной благодати, высоко поднимались надъ общимъ уровнемъ своего вѣка и своего народа. Глубоко постигая подлинный смыслъ всего настоящаго, они очами вѣры прозирали и отдаленное будущее: они ясно сознавали тѣ цѣли, ради которыхъ призванъ былъ Израиль, въ живыхъ образахъ и картинахъ рисовали ихъ умственному взору народа, воспитывали его для этихъ цѣлей и настойчиво-терпѣливо вели его къ достиженію ихъ.

Служа центромъ ветхозавѣтной церкви, пророчество, вмѣстѣ съ тѣмъ, было и какъ-бы преддверіемъ новозавѣтной. Эту мысль прекрасно выразилъ еще св. Василій Великій, который глубоко вѣрно назвалъ ветхозавѣтныхъ пророковъ „духовно-постигающими намѣренія закона“ и говорилъ, что они „предошущали вѣянія новозавѣтной благодати“. „Ветхозавѣтное пророчество—какъ комментируетъ эти слова одинъ изъ нашихъ изслѣдователей—было выраженіемъ духа, оживотворявшаго формализмъ закона, представителемъ ветхозавѣтной благодати“ ¹⁾. Такъ что пророки, живя тѣломъ въ Ветхомъ Завѣтѣ, по духу уже были какъ-бы гражданами Новаго Завѣта. Слѣдовательно, въ библейскомъ профетизмѣ, въ добавленіе ко всему прочему, мы имѣемъ какъ-бы мостъ, соединяющій лучшія традиціи ветхозавѣтной теократіи съ благодатными началами новозавѣтнаго царства, что такъ прекрасно и выражено въ извѣстномъ прологѣ посланія къ Евреямъ: „многочастнѣ и многообразнѣ древле Богъ глаголавыи отцемъ во пророцѣхъ, въ послѣдокъ дней сихъ глагола намъ въ Сынѣ“ (Евр. I, 1).

Итакъ „библейскій профетизмъ“ въ болѣе узкомъ, специальномъ его смыслѣ, о которомъ, именно, мы и хотимъ здѣсь говорить, внутренне неразрывно связанъ съ теократіей: вмѣстѣ они родились у подножія Синая, вмѣстѣ-же они и идутъ черезъ всю самостоятельную политическую исторію Израиля.

Все сказанное нами о теократіи и профетизмѣ и ихъ роли въ исторіи Израиля, устанавливаетъ, слѣдовательно, такое взаимоотношеніе между ними. Профетизмъ—есть душа теократіи, теократія—сущность исторіи Израиля; отсюда, слѣдовательно, „профетизмъ“ представляетъ собою какъ бы квинтъ-

¹⁾ *Вержеболовичъ*. Пророческое служеніе въ израильскомъ (десятикопѣномъ) царствѣ. Кіевъ 1891, стр. 20

эссенцію всей ветхозавѣтной библейской исторіи. Если здѣсь могутъ помочь дѣлу какія-нибудь сравненія и параллели, то роль ветхозавѣтнаго профетизма въ библейской исторіи Израиля можно сравнить съ значеніемъ очень чувствительнаго зеркала, которое полно и вѣрно отражаетъ какъ всѣ дефекты этой исторіи (многочисленные уклоны ея отъ теократическихъ нормъ, вызывавшія соотвѣтственные пророческія обличенія), такъ и всѣ положительныя ея свойства, ея лучшія страницы (преимущественно изъ числа тѣхъ, что имѣли какое-либо отношеніе къ мессіанскимъ временамъ). Это, надѣмся, еще болѣе оправдываетъ, какъ самый выборъ нашей темы, такъ и справедливость основнаго ея тезиса, что историческая характеристика ветхозавѣтнаго профетизма является вмѣстѣ съ тѣмъ и лучшимъ очеркомъ главныхъ этаповъ внѣшней и основныхъ моментовъ внутренней исторіи Израиля, за библейской его періодъ.

Изъ уясненія самой сущности в.-з. профетизма и его роли въ теократіи само собою открывается, что рядъ библейскихъ пророковъ—представителей этого, спеціальнаго профетизма—мы должны начать съ личности главнаго дѣятеля ихъ обоихъ (теократіи и профетизма) великаго пророка—Моисея. Основатель и вождь теократіи, посредникъ синайскаго завѣта и авторъ носящаго его имя законодательства, удостоенный особой, исключительной близости къ Іеговѣ, онъ былъ величайшимъ изъ всѣхъ ветхозавѣтныхъ пророковъ, о которомъ Самъ Іегова говорилъ: „рабъ Мой Моисей—онъ вѣренъ во всемъ дому Моемъ: устами къ устамъ говорю Я съ нимъ, и явно, а не въ гаданіяхъ, и образъ Господа онъ видитъ“ (Числ. XII, 7—8). Равнымъ образомъ и въ Новомъ Завѣтѣ Самъ Господь Іисусъ Христосъ, въ своихъ обличеніяхъ книжниковъ и фарисеевъ, любилъ апеллировать къ авторитету Моисея, какъ величайшаго изъ пророковъ (Іо. VI, 46—47); и въ частности, раскрывая предъ Своими Эммаусскими спутниками исторію ветхозавѣтнаго божественнаго домостроительства, Господь ведетъ ее, „начавъ отъ Моисея, изъ всѣхъ пророковъ“ (Лук. XXIV, 27).

„Но Моисей—по словамъ *Oehler*'а, какъ основатель теократіи и законодатель, не имѣлъ себѣ преемниковъ между ветхозавѣтными пророками. Въ этомъ отношеніи онъ неизмѣримо возвышается надъ ними и имѣетъ свой прототипъ

лишь въ Основателѣ совершеннѣйшей новозавѣтной теократіи, или царства Божія“, на что прямо и указываетъ извѣстное мессіанское мѣсто изъ книги Второзаконія: „Я воздвигну имъ пророка изъ среды братьевъ ихъ, такого какъ ты“ (Втор. XVIII, 18), гдѣ Мессія ясно сопоставляется съ Моисеемъ.

Эрой, открывающей собою специальную исторію библейскаго профетизма, была, какъ выражаются авторитетные нѣмецкіе богословы, *erschelmachende Thätigkeit*, т. е. дѣлающая эпоху жизнедѣятельность другаго, великаго ветхозавѣтнаго героя—пророка Самуила. По крайней мѣрѣ, именно съ него началъ непрерывный рядъ ветхозавѣтныхъ пророковъ,—строителей ветхой и провозвѣстниковъ новой церкви—и ап. Петръ въ одной изъ своихъ специальныхъ, миссіонерскихъ рѣчей (Дѣян. III, 24).

Эпоха отъ Моисея до Самуила извѣстна подъ именемъ „безпророческой“, подтвержденіе чему даетъ и сама Библия, говоря, что „слово Господне было рѣдко въ тѣ дни и видѣнія не часты“ (I Цар. III, 1). Причину такого замѣтнаго отсутствія пророчества понять нетрудно. Это былъ первый, золотой періодъ ветхозавѣтной теократіи, когда она еще дѣйствовала со всей присущей ей силой и была полна непосредственнаго живаго обаянія отъ личности ея основателя и вождя—самого Моисея. Положительную работу профетизма, въ смыслѣ дальнѣйшаго развитія старыхъ и послѣдующаго откровенія новыхъ истинъ, начинать было еще рано: нужно было еще время, чтобы основательно усвоить и внутренне переработать и то, что уже было дано. Для обличительной же дѣятельности пророковъ, очевидно, тоже еще не наступило время: законъ и священство, на первыхъ порахъ, функционировали сравнительно исправно и не давали еще тѣхъ рѣзкихъ отклоненій отъ нормы, которыя въ послѣдствіи такъ часто требовали усиленнаго вмѣшательства пророковъ.

Картина израильской исторіи рѣзко измѣняется ко днямъ пр. Самуила. Внутреннее состояніе Израиля становится болѣе, чѣмъ плачевно: духъ народнаго единства и здраваго патріотизма исчезъ, повиновеніе закону, благочестіе и крѣпкая вѣра въ Іегову ослабѣли, такъ что положеніе вещей грозило гибелью не только теократіи, но и самому политическому бытію націи. Къ этому присоединилось и не менѣе тяжелое

внѣшнее положеніе — бѣдствіе филистимскаго пораженія: послѣ несчастной для евреевъ битвы при Афеѣ, ковчегъ завѣта былъ взятъ въ плѣнъ, сыновья священника и судіи—Илія были убиты, войско израильское почти все погбло и, въ довершеніе всѣхъ бѣдъ, самъ престарѣлый вождь ихъ—Илій, узнавши обо всемъ этомъ, не перенесъ удара,—упалъ и умеръ (I Цар. IV, 10—18).

Въ эту-то исключительно тяжелую и трудную для Израиля пору, когда у него не было никакой общественной власти—ни судіи, ни первосвященника, ни даже самого святилища, Богъ и воздвигъ избранному народу великаго пр. Самуила, который не только возродилъ всѣ нарушенные органы теократіи; но поднялъ, упрочилъ ея авторитетъ и явился творцомъ новыхъ учрежденій, вдохнувшихъ новую жизнь въ разшатаанный организмъ Израиля. Вообще, въ дѣлѣ реставраціи теократіи и устроенія Израиля заслуга Самуила очень близко напоминаетъ собой дѣятельность Моисея, почему ихъ личности въ священныхъ книгахъ нерѣдко и ставятся рядомъ (Ис. XCVIII, 6; Іер. XV, 1).

Официально, Самуиль съ миссіей пророка соединялъ еще обязанность судьи. Но фактически, онъ олицетворялъ собой всю полноту власти и всю силу моральнаго авторитета. Пророкъ Самуиль дѣйствовалъ, соответственно запросамъ своего времени и нуждамъ народа. Онъ возродилъ угасавшій духъ общаго единства, пробудилъ національное самосознаніе Евреевъ и тѣмъ спасъ ихъ отъ политическаго крушенія. Онъ-же удалилъ идоловъ, заставилъ народъ принести раскаяніе въ измѣнѣ Іеговѣ и присягнуть на вѣрность ему, чѣмъ снова вызвалъ къ жизни внутреннюю, спасающую силу в.-з. теократіи. Словомъ, пр. Самуиль былъ подлиннымъ національнымъ героемъ и вождемъ, истиннымъ спасителемъ своего отечества. Неудивительно, что и авторитетъ его стоялъ у современниковъ и даже у ихъ потомковъ чрезвычайно высоко, такъ что какъ-бы заслонялъ собою всѣ другіе, оффиціальныя авторитеты, растерявшіеся въ это смутное, переходное время.

Пр. Самуиль, такимъ образомъ, долженъ считаться настоящимъ отцомъ ветхозавѣтнаго профетизма: пророчество, бывшее до него явленіемъ спорадическимъ, начиная съ него становится постоянно и непрерывно дѣйствующимъ факторомъ

израильской исторіи, доходящимъ чуть не до самого ея конца. Въ частности, особая, личная заслуга пр. Самуила въ исторіи еврейскаго профетизма состояла еще и въ томъ, что онъ явился организаторомъ одного спеціальнаго профетическаго института — такъ называемыхъ „пророческихъ школъ“, сыгравшихъ, безспорно, видную роль въ общественно-политической и религіозно-нравственной жизни народа Божія.

Библейская наука, справедливо усвояя этому оригинальному институту высокую важность, живо имъ интересуется и обстоятельно его разсматриваетъ, какъ въ общихъ библейско-историческихъ курсахъ, такъ даже и въ спеціальныхъ монографіяхъ. Намѣреваясь, со временемъ, говорить о „пророческихъ школахъ“ обстоятельно и подробно, мы на этотъ разъ ограничимся лишь самымъ общимъ понятіемъ о нихъ, необходимымъ для уясненія ихъ роли въ исторіи библейскаго профетизма.

По болѣе вѣроятному мнѣнію, „пророческія общины или школы“ (נָבִיִּים=навојотъ, נְבִיאוֹת=невајотъ) были свободными религіозно-общественными корпораціями, или союзами, на подобіе рыцарско-монашескихъ орденовъ, въ которые могли вступать благочестивые Израильтяне всѣхъ возрастовъ и состояній (I Цар. IV, 23). Во главѣ каждой изъ подобныхъ общинъ стоялъ какой-либо популярный пророкъ, во имя котораго она объединялась, духомъ котораго жила и именемъ котораго она называлась.

Что касается дѣятельности пророческихъ школъ и ихъ теократической роли, то жизненнымъ нервомъ этихъ школъ и ихъ основной задачей служило распространеніе духовнаго вліянія своего пророка и утвержденіе его авторитета въ народѣ. „Когда пророкъ вѣщалъ волю Божию и напоминалъ богодарованный законъ, когда онъ жгучими рѣчами обличалъ беззаконія и призывалъ къ благочестію и правдѣ, когда онъ угрожалъ отпадшимъ отъ Господа наказаніями, то слова его разносились далеко по странѣ устами его учениковъ и очень часто въ формѣ священнаго пѣснопѣнія исторгали слезы покаянія и умиленія, любви и упованія въ толпахъ народа, внимавшихъ псалмамъ сонмовъ пророческихъ“¹⁾.

¹⁾ *Бластовъ*. „Священная Лѣтопись“ Ч. IV, СПб 1893, стр. 86-ая.

Всѣ эти общины и сонмы были, такъ сказать, вольными дружинами лучшихъ, передовыхъ общественныхъ дѣятелей той эпохи, когда вся жизнь носила ярко выраженную теократическую окраску. Въ частности, онѣ служили отраженіемъ, главнымъ образомъ, *общественной стороны* въ служеніи того или другаго пророка, почему и расцвѣтъ ихъ падаетъ на эпохи наиболѣе прославившихся своей общественно-политической дѣятельностью пророковъ—Самуила, Иліи и Елисея.

Пророческія школы, т. о., являлись разсадниками теократическаго просвѣщенія въ народѣ, центрами религіозно-нравственной жизни и могучими оплотами въ борьбѣ со всевозможными видами насилія и произвола. Самое возникновеніе и существованіе подобнаго высокосимпатичнаго института краснорѣчивѣй всякихъ словъ говоритъ о высокомъ подъемѣ въ обществѣ пророческаго духа и о громадномъ идейномъ вліяніи пророковъ на современное имъ общество,—такое вліяніи, которое заставляло лучшихъ и наиболѣе чуткихъ людей той эпохи выдѣляться изъ равнодушной массы и концентрироваться въ мощные духовнонравственныя союзы, нерѣдко съ ярко выраженной оппозиціонно - политической окраской.

Снова возвращаясь къ личности пр. Самуила и характеристикѣ его времени, мы должны заключить ее указаніемъ на одинъ крупный фактъ, а вмѣстѣ и новый факторъ всей послѣдующей исторіи Израиля — на установленіе въ немъ царской власти, дѣятельное участіе въ чемъ принужденъ былъ принять и пр. Самуиль. Утвержденіе внѣшняго, политическаго центра, въ видѣ сильной монархической власти, трудно мирилось съ духовно-нравственными основами теократіи. И библейскій рассказъ объ учрежденіи царской власти въ Израиль не оставляетъ сомнѣній въ томъ, что пр. Самуиль, стоявшій на почвѣ идеальной теократіи, лишь съ большой неохотой и послѣ долгихъ колебаній и отговорокъ уступилъ настойчивой просьбѣ народа. Духомъ истиннаго пророка онъ предвидѣлъ, что этотъ институтъ ляжетъ тяжелымъ бременемъ на плеча народа Божія, доставитъ ему много горя и, въ концѣ концовъ, приведетъ его къ гибели.

Учрежденіе царской власти во Израиль вноситъ существенную перемѣну и въ самое служеніе библ. пророковъ.

Новыя общественно-политическія отношенія ставятъ и новыя задачи профетизму. Послѣдній пріобрѣтаетъ теперь болѣе яркую общественно-политическую окраску, имѣющую двойкій характеръ: ее можно назвать *строго-охранительной*, по отношенію къ основнымъ началамъ теократическаго строя, нерѣдко довольно откровенно теперь попираемымъ; но ее же, одновременно, слѣдуетъ признать и *радикально-оппозиціонной*, по отношенію ко всѣмъ враждебнымъ теократіи элементамъ, въ особенности относительно царской власти, съ ея принципиальнымъ антогонизмомъ теократіи и съ ея фактической борьбой противъ нее.

Съ этого момента, и довольно надолго, Еврейскіе пророки,—преимущественно, активные общественные дѣятели: они народные трибуны и демагоги, своеобразно осуществляющіе функціи народно-теократическаго контроля надъ личнымъ произволомъ монархическаго начала. Пророки спасали „честь Іеговы“ отъ вѣроломной и эгоистической политики царей. И надо замѣтить, что, по крайней мѣрѣ, на первыхъ порахъ, профетизмъ положительно доминировалъ надъ монархизмомъ. Онъ былъ его строгимъ менторомъ, его суровымъ обличителемъ и грознымъ, карающимъ судьей, не останавливающимся передъ самыми рѣшительными приговорами, до низложнія съ трона однихъ и возведенія на него другихъ включительно.

Наиболѣе характерно и полно общественно-политическая сторона библейскаго профетизма раскрылась въ эпоху раздѣленныхъ царствъ, и именно, въ исторіи одного изъ нихъ—сѣвернаго, израильскаго царства. Для этого здѣсь существовали особыя побудительные мотивы, которыхъ должно искать въ общихъ условіяхъ религіозно-политической жизни Израиля, и преимущественно, въ ложной и преступной политикѣ его царей. Явившись съ самага-же момента раздѣленія царствъ узурпаторами престола, цари Израильскіе все время были заняты только тѣмъ, чтобы какъ нибудь упрочить свое недостаточно легальное положеніе. Сначала, ихъ долго пугалъ грозный призракъ обратнаго воссоединенія Израиля съ Іудой. И вотъ, чтобы застраховать себя отъ этого, Іеровоамъ I и его преемники вводятъ особый религіозный культъ—священнаго тельца—и создаютъ новый религіозный центръ у себя—въ Веелѣ, взамѣнъ опаснаго для нихъ Іеру-

салимскаго храма, въ Іудеѣ. Затѣмъ, въ тѣхъ-же заботахъ объ укрѣпленіи своего политическаго положенія, израильскіе цари начинаютъ вступать въ запретные союзы съ языческими царями и ихъ народами, откуда широкой волной хлынуло на Израиля религиозное блужденіе и нравственное развращеніе.

Отъ истинной теократіи вскорѣ не осталось почти и слѣда: царство превратилось въ ея главнаго врага, а истинное священство, частію само покинуло нечестиваго Израиля и переселилось въ Іудею, а частію было насильственно истреблено и замѣнено жрецами іеровоамова и ваалова культа. Тутъ-то и выступили съ новой силой пророки, которые остались здѣсь почти единственными „стражами дома Израилева“, борцами за идеалы теократіи и поруганныя права націи. И такъ какъ враждебныхъ пророкамъ силъ здѣсь было слишкомъ много и такъ какъ онѣ были вооружены всѣми средствами внѣшняго авторитета, то одинокая, самоотверженная дѣятельность израильскихъ пророковъ, мужественно и побѣдоносно выступавшихъ на борьбу съ общимъ нечестіемъ и произволомъ, пріобрѣтаетъ особенно величественный и глубоко-драматическій характеръ. Недаромъ, Майбаумъ—авторъ одной изъ лучшихъ критическихъ монографій о в. з. пророчествѣ—называетъ этотъ періодъ *Helden zeit das Prophetenthums*, „героической эпохой пророчества“.

Самой яркой страницей въ исторіи израильскихъ пророковъ, безъ сомнѣнія, является исторія грознаго пр. Божія—Иліи Тесвитянина, дѣятельность котораго падаетъ на время династіи Амврія—или Омри, какъ называютъ его клинообразные памятники той эпохи и надпись царя Меша. Политика всей этой династіи, клонившаяся къ слянію съ Финикіей, была убійственна для религиозно-національныхъ основъ Израиля. „По намѣреніямъ ея правителей, Израиль долженъ былъ отказаться отъ своей національности, отъ своего прошедшаго, отъ своихъ священныхъ воспоминаній и завѣтныхъ надеждъ, и изъ свободнаго, самостоятельнаго народа, имѣющаго міро-историческое призваніе, стать жалкимъ придаткомъ Финикіи, слиться съ хананейскими племенами, и прекратить самостоятельное политическое существованіе, впасть въ духовное рабство язычеству“¹⁾.

¹⁾ М. Вержболовичъ Цитов. сочин., стр 73

„Но тутъ-то и возсталъ на защиту правъ Іеговы и спасеніе націи—одинъ среди насилій и кровавыхъ преслѣдованій—огненный пророкъ, въ которомъ соединилось все величіе в. з. пророчества. Это былъ пророкъ громовержець — знаменитый Ілія Тессѣтянинъ, вооруженный не внѣшнимъ оружіемъ, но несокрушимой силою духа, противъ которой не могли устоять ни хитрость и злоба Іезавели, ни закоснѣніе народа въ нечестіи, ни толпы озлобленныхъ жрецовъ Вала“¹⁾. Недаромъ премудрый сынъ Сираховъ говорилъ объ Іиліѣ: „возсталъ пророкъ, какъ огонь, и слово его горѣло, какъ свѣтильникъ“ (XLVIII, 1).

Высшимъ, средоточнымъ пунктомъ дѣятельности пр. Іліи, когда фигура этого пламеннаго пророка вырастаетъ во всемъ своемъ грозномъ величіи и силѣ, поднимается во весь свой ростъ, былъ день на Кармилѣ, когда пророкъ одержалъ блестящую побѣду надъ царемъ и жрецами, заставивъ всѣхъ ихъ въ ужасѣ трепетать предъ величіемъ и грозной силою Іеговы (III Цар. XVIII, 39—40).

Изображая всю мощь и силу пророческаго вліянія Іліи на современниковъ, Krummacher, авторъ спеціальной монографіи о немъ, картинно изображаетъ ее такъ: „Ілія говорилъ: и пѣшій и конный стояли, какъ пораженные громомъ. Онъ угрожалъ: и тираны тряслись вѣмые и блѣдные, отступая предъ его обличеніемъ. Онъ повелѣвалъ во имя Божіе: и огонь и мечъ соединились для истребленія съ лица земли правящаго рода за его борьбу съ царствомъ Божіимъ. Онъ негодовалъ въ духъ: и его негодованіе обращалось въ пылающее пламя, искоренявшее съ почвы Израиля отряды служителей лжи и сатаны“²⁾. И неудивительно, что такая безпримѣрная и поразительная дѣятельность пр. Іліи превратила его, преимущественно передъ всѣми в. з. пророками, въ главный оплотъ правотѣрнаго Израиля, сдѣлала его „колесницей Израиля и конницей его“ (IV Цар. II, 12) и явила самое имя Іеговы славнымъ и грознымъ даже и для языческихъ сосѣдей.

Но какъ не велико и не сильно было общественно-политическое вліяніе пр. Іліи и его славнаго преемника пр. Ели-

¹⁾ *Ibidem*—81

²⁾ *Krummacher* „Ilias der Thisbiter, nach seinem äussern und innern Leben dargestellt“. 5 Ausg. Elberfeld, 1860.

сея, о которомъ Библия точно такъ-же замѣчаетъ, что „онъ не разъ и не два спасалъ отчество“ (IV Цар. VI, 10), однако вліяніе всѣхъ этихъ пророковъ и ихъ учениковъ не въ состояніи было предотвратить естественнаго хода исторіи, который, въ полномъ согласіи съ планами божественнаго провидѣнія, приближалъ оба еврейскихъ царства къ ихъ неизбѣжному политическому концу. Провозвѣстниками этого конца, его свидѣтелями—очевидцами и предсказателями новаго мессіанскаго царства были представители послѣдняго в. з. профетическаго типа, извѣстные подъ именемъ пророковъ—писателей.

II.

Роковая неизбѣжность печальной политической развязки, задолго открытая взору пророковъ, кладетъ свой рѣзкій отпечатокъ и на самую ихъ дѣятельность, сообщая ей иной, существенно новый характеръ. Прежняя *внѣшняя* дѣятельность пророковъ, исполненная великихъ дѣлъ и чудесныхъ событій, замѣняется болѣе *внутренней*, духовной работой, выразившейся въ обширныхъ рѣчахъ и писаніяхъ; дѣло замѣняется словомъ и величественная общественно-политическая дѣятельность в. з. пророковъ уступаетъ теперь мѣсто ихъ болѣе глубокому нравственному вліянію. Пророки теперь уже гораздо меньше интересуются настоящимъ положеніемъ вещей и внѣшнимъ поведеніемъ людей, а гораздо больше говорятъ о будущемъ положеніи своего отечества и о необходимости внутренняго перерожденія его гражданъ. Въ зависимости отъ этого, и средствами пророческаго воздѣйствія на современниковъ является уже не столько личное вмѣщательство ихъ въ ходъ государственной и общественной жизни, сколько свободное вліяніе на души людей путемъ устнаго и письменнаго слова, живая и сильная проповѣдь покаянія, соединенная съ отрадными картинами будущаго духовно-обновленнаго мессіанскаго царства.

Отъ пророковъ этого послѣдняго періода осталась довольно обширная, спеціально-профетическая литература; и хотя она, конечно, далеко не обнимаетъ, быть можетъ, и сотой доли всего сказаннаго ими, однако все же даетъ достаточное представленіе о главныхъ пророческихъ темахъ и объ ихъ общемъ характерѣ и духѣ. Отсюда, сжатый схематическій

анализъ этой литературы является естественнымъ и даже необходимымъ отдѣломъ и нашего настоящаго очерка.

У пророковъ—писателей, также, какъ и у ихъ раннѣйшихъ предшественниковъ—пророковъ-дѣятелей, мы, прежде всего, различаемъ двѣ типичныхъ и основныхъ группы темъ: одну—нравственно-обличительнаго, другую—специально-пророческаго характера.

По первой изъ нихъ новые пророки непосредственно примыкаютъ къ старымъ, но съ однимъ важнымъ отличіемъ: именно, они громятъ не столько внѣшній строй вещей и преступную государственную политику царей, сколько внутреннее религиозное недомысліе, нравственное разложіе націи и социальна-экономическія язвы времени. Эти вдохновенныя, ярко-образныя и картинныя рѣчи библейскихъ пророковъ, которыя такъ мѣтко схватываютъ основные нравственно-социальныя недуги той эпохи и такъ беспощадно рѣзко ихъ бичуютъ, составляютъ лучшія страницы въ исторіи библейской профетизма, получающія вѣчное, непреходящее значеніе, поскольку и то зло, съ которымъ они борются, представляетъ собой вѣчно юную и вмѣстѣ вѣчно старую тему универсальной исторіи человѣческаго рода.

Вотъ, почему эти обличительныя рѣчи в. з. пророковъ такъ охотно и цитуются даже въ новѣйшихъ социальна-экономическихъ и коммунистическихъ трактатахъ, не только у представителей, такъ называемаго, „христіанскаго социализма“ (у Ламнэ, Даніеля, О. Конна, аб. Декуртены, Мориса Кингслея и др.), но и у самихъ корифеевъ экономическаго материализма—Маркса, Лассалля, Бебеля, Каутскаго и др. Хотя нельзя не отмѣтить здѣсь, что сходство между теократическомъ социализмомъ в. з. пророковъ и марксистскимъ социализмомъ нашихъ социаль-демократовъ—чисто внѣшнее, такъ сказать, словесное. Принципіально-же и по существу дѣла, между ними лежитъ глубокая пропасть, доходящая почти до полной ихъ противоположности.

Въ сферѣ религиозной жизни пророки этого періода рѣзко обличаютъ два главныхъ явленія: а) грубый, религиозный синкретизмъ и б) бездушный обрядовый формализмъ.

О первомъ много и сильно говорятъ, преимущественно, предплѣнные пророки—Осія, Амосъ, Исаія и современные ему—Іеремія и Іезекиль. Они обличаютъ избранный народъ

за то, что онъ измѣнилъ Іеговѣ, растлилъ свой брачный союзъ съ нимъ и вдался въ такое религиозное „блуженіе“, подобнаго которому нѣтъ ни у одного народа. Наиболѣе пластично исторія этого религиознаго синкретизма, подъ видомъ грубаго, циничнаго разврата Израиля съ различными народами, изложена въ XVI гл. пр. Іезекиіля. „Мерзости“ этого блуженія, какъ видно изъ различныхъ пророческихъ указаній, состояли въ томъ, что Евреи кланялись статуямъ вааловъ, сдѣланнымъ изъ дерева или изваяннымъ изъ метала (Іер. X, 3—5), приносили жертвы на высотахъ и въ священннхъ дубравахъ (Ам. V, 26 Ос. II, 19; IV, 10 Ам. II, 13), почитали священныя источники, прибѣгали ко всякимъ волхвованіямъ и заклинаніямъ (Мих. V, 12—15) и даже доходили до чудовищныхъ человѣческихъ жертвоприношеній, какъ это видно изъ словъ самого Іеговы у пр. Іереміи: „И создаша требище Тавефу, еже есть въ юдоли сына Энномля, да сожигаютъ сыны своя, и дщери своя огнемъ, его же не повелѣхъ имъ, ниже помыслихъ въ сердцѣ моемъ“. (Іер. VII, 31).

Лучшимъ-же примѣромъ рѣзкаго пророчественнаго обличенія пустаго обрядоваго формализма является извѣстное классическое мѣсто изъ пророка Исаи. „Къ чему Мнѣ множество жертвъ вашихъ? Говоритъ Господь. Я пресыщенъ всевозможными овновъ и тукомъ откормленнаго скота, и крови тельцовъ и агнцевъ не хочу... Не носите больше даровъ тщетныхъ: куреніе отвратительно для Меня... Новомѣсячія ваши и праздники ваши ненавидитъ душа Моя: они бремя для Меня; Мнѣ тяжело нести ихъ“ (Ис. I, 11,—13—14).

Помраченіе истиннаго богопочтенія и утрата искренняго и живаго религиознаго чувства не замедлили, прежде всего, отразиться на нравственности народа Израильскаго, которая дошли до крайнихъ степеней развращенія и упадка всѣхъ общественныхъ, семейныхъ и личныхъ моральныхъ устоевъ. На это толкали Израиля, больше всего, господствовавшіе среди него языческіе культы, освящавшіе всевозможные виды нравственнаго распутства: „на вершинахъ горъ они приносятъ жертвы и на холмахъ совершаютъ кажденіе подъ дубомъ и тополемъ и теревинномъ, потому что хороша отъ нихъ тѣнь; потому любодѣйствуютъ дочери ваши и прелюбодѣйствуютъ невѣстки ваши (Ос. IV, 13). „Блудъ и вино и

напитки завладѣли сердцемъ людей Моихъ.. духъ блуда ввелъ ихъ въ заблужденіе“ (Ос. IV, 11). Развратъ, освящаемый жестоко-сладоэстрастными культурами Астарты и Молоха, доходилъ до самыхъ крайнихъ предѣловъ, въ чемъ позднѣйшіе Евреи превосходили даже древнихъ жителей Содома и Гоморры. Отъ этого поголовнаго разврата не были пощажены и наиболѣе интимныя семейныя связи: „иной дѣлаетъ мерзость съ женой ближняго своего, иной оскверняетъ сноху свою, иной насилуетъ сестру свою, дочь отца своего“ (Іез. XXII, 11).

Неизбѣжнымъ слѣдствіемъ такого полнаго религіозно-нравственнаго упадка была страшная деморализація всѣхъ классовъ общества, въ особенности, его высшихъ, правящихъ слоевъ. Призванные поддерживать и охранять социальное-экономическій строй, высшія свѣтскія и духовныя власти сами первыя же его ниспровергали, за что пророки жестоко и бичевали ихъ, не щадя обличительныхъ красокъ.

Свои обличенія пророки, по прежнему, начинаютъ опять съ царей, причемъ не могутъ простить Израилю той роковой его ошибки, какой было самое введеніе этого института. „Сами себѣ царя поставиша, а не Мною начальствоваша“—говоритъ Іегова устами пр. Осіи: „и дахъ тебѣ царя во гнѣвъ моемъ“ (VIII, 4 и XIII, 11). „Слыши слово Господне, царю Іудинь, иже сѣдши на престолѣ Давидовѣ, ты и домъ твой... Сія глаголетъ Господь: творите судъ и правду... не угнетайте беззаконно и крове неповинныя не изливайте на мѣстѣ семъ“—громить пр. Іеремія (XXII, 2—3). И онъ же, продолжаетъ: „судите заутра судъ и исправите и избавите силу угнетеннаго отъ руки обидящаго, и да не зажжется, яко огонь ярость моя и возгорится и не будетъ угашающаго, ради лукавыхъ умысленій вашихъ!“ (12 ст.).

Отсюда, сверху, по мнѣнію пророковъ, разлилось нечестіе и по всей странѣ: естественно, что оно, прежде всего, коснулось ближайшихъ къ трону лицъ, различныхъ князей, начальниковъ и старѣйшинъ и всѣхъ, вообще, льстивыхъ, праздныхъ и развращенныхъ царедворцевъ. „Во дни царей вашихъ—читаемъ мы у пр. Осіи—начаша князи яриться отъ вина, простроша руки своя съ губителями“ (Ос. VII, 5). Ложь, интрига и месть—обычный путь ихъ придворной карьеры: „злобами своими возвеселиша царя и лжами своими

князей“ (VII, 3). Естественно, что подобные проводники или органы царской власти всего меньше способны были заботиться о благѣ народа, а удовлетворяли лишь свои личные аппетиты,—почему прр. и любятъ сравнивать ихъ съ хищными львами и волками. „Князи его—яко волцы, восхищающе похищенія, еже проліяти кровь и погубити души“ (Іез. XXII, 27). „Людіе мои, приставницы ваши пожинаютъ васъ, и истязаящи обладаютъ вами“ (Ис. III, 12) „Его-же старѣйшины средѣ его, яко львы рыкающе, восхищающе восхищенія, души изъядающе насиліемъ богатство и честь приемяще“ (Іез. XXII, 25). Они пренебрегаютъ велѣніями закона, любятъ взятки и дары и сами не прочь принять негласное участіе въ воровствѣ: „князи твои не покаряются (закону Божію), общницы татемъ, любяще дары, гоняще воздаяніе“ (Ис. I, 23). Вполнѣ понятно, что подобныя, никуда негодныя власти, неспособны были и дѣлать своего прямого дѣла, т. е. управлять. „Стражи его вси ослѣпоша, не разумѣвша смыслити, вси пси нѣмїи, не возмогутъ лаяти, видящи сны на ложи, любяще дремати. И пси безстуднїи душою, не вѣдяще сытости: и суть лукави, не вѣдяще смысла, вси путемъ своимъ послѣдоваша, кїждо уклонишася въ лихоимство свое, отъ перваго и до послѣдняго“—бичуетъ ихъ пр. Исаи (LVI, 10—11). За все это надъ подобными негодными властями произносится грозный, рѣшительный приговоръ: „и будетъ въ день жертвы Господни, и отомщу на князи и на домъ царскїй и на вся, оболченная въ одѣянїя чуждая“ (Соф. I, 8)

Примѣръ свѣтской власти увлекалъ за собой и духовную. Но такъ какъ подобное поведеніе послѣдней, въ силу его принципиальнаго противорѣчїя самымъ ея задачамъ, было еще болѣе преступно, то пророки обличаютъ его съ особенной суровостью и силой. Такъ, пророки укоряютъ священство въ сытомъ забвенїи его пастырскаго долга и въ извращенїи всякаго его смысла: „Оле, пастыри Израилевы! восклицаетъ, напр. пр. Іезекїиль: „еда пасутъ пастыри самихъ себѣ, не овецъ-ли пасутъ пастыри: се млеко ядите, и волною одѣваетесь и тучное закалате, а овецъ моихъ не пасете. Изнемогающаго не подъяете, и болящаго не уврачеваете, и сокрушеннаго не обяжете, и заблуждающаго не обратите и погибшаго не възскасте!“ (XXXIV, 4). Они не только сами

ничего подобнаго не дѣлають, но не позволяютъ этого дѣлать и другимъ: „вы крѣпкое оскорбите трудомъ и властью накажете я и поруганіемъ“—т. е. все нравственно-стойкое и идейно-свѣтлое вы стараетесь втоптать въ грязь и опорочить, и по возможности, задушить его силой внѣшней своей власти.

По словамъ другаго пр.—Осія, такіе пастыри „грѣхами народа кормятся“ и доходятъ до чудовищныхъ преступленій (Ос. VI, 9), „Пастыріе мнози растлиша виноградъ мой, оскверниша часть мою“ сѣтуетъ и пр. Іер. (XII, 10). Не дѣлая ничего въ положительномъ смыслѣ, эти пастыри и сами усердствуютъ въ отрицательной работѣ и другихъ поощряютъ къ тому-же. „Вы развращаете сердце праведнаго неправедно... и укрѣпляете руку незаконнику“ (Іез. XIII, 13). За все это Господь устами пр. Исаи караетъ ихъ лишеніемъ всякой дѣйственной силы ихъ служенія: „егда прострете руки ваша ко мнѣ, отвращу очи мои отъ васъ: и аще умножите моленіе, не услышу васъ, руки бо ваши исполнены крове“ (I, 15). А чрезъ послѣдняго пр.—Малахію Богъ возвѣщаетъ имъ всеобщее презрѣніе и позоръ: „вы уклонистесь отъ пути и изнемощевисте многихъ въ законѣ, растлисте завѣтъ Левіинъ. И Азъ дахъ вы уничижены и отвержены во вся языки“ (Мал. II, 8—9).

Даже пророки, которые все время были наиболѣе чистыми и нравственно-чуткими людьми, служили какъ-бы „совѣстью націи“, и тѣ теперь, въ большинствѣ, безнадежно испортились. „Лживо пророцы прорицають во имя Мое, не послахъ ихъ, ни заповѣдахъ имъ, не глаголахъ есмь къ нимъ: понеже видѣнія лжива, и гаданія и волшебства и произволы сердца своего ти прорицають вамъ“ (Іерем. XIV, 14). „Они словеса моя крадутъ“—какъ выразительно устами того-же пророка говоритъ Самъ Іегова, т. е. искажаютъ прямой и подлинный смыслъ самихъ божественныхъ повелѣній, ради своихъ преступныхъ цѣлей. Подобно развращеннымъ пастырямъ, эти лжепророки и сами безчинствуютъ и поощряютъ другихъ на всякое насиліе и произволь: „И въ пророцѣхъ іерусалимскихъ видѣхъ ужасная: прелюбодѣйствующихъ и ходящихъ во лжи и скрѣпляющихъ руки строптивымъ“ (Іез. XXIII, 14). „Понеже прельстиша людей моихъ глаголюще: миръ, миръ и не баше міра и сей сограждавше стѣну, а

они помазуютъ ю“ (Иез. XIII, 10—12). Но все это напрасно: Іегова въ праведномъ гнѣвѣ своемъ размететь эту стѣну и подъ ея развалинами погребетъ всѣхъ нечестивыхъ ея строителей (Иезек. XIII, 13—14).

Получается, по описаніямъ пророковъ, глубоко-безотрадная, удручающая картина: всѣ политическіе, общественные и моральные авторитеты пали. „Князи его въ немъ, яко львы рыкающе, судьи его, яко волцы аравійстїи, не оставляху на утро. Пророцы его вѣтроносцы, мужи презорливы, священницы его скверняютъ святыя и нечествуютъ въ законѣ“ (Соф. III, 4). При этомъ они еще имѣютъ дерзость думать и даже говорить: „не Господь-ли въ насъ есть? и утѣшать себя: не придутъ на ны злая“ (Мих. III, 12). Но это кощунственно ложное самоуспокоеніе не спасетъ ихъ отъ близкаго суда Господня: „еже изліати на ня гнѣвъ мой, весь гнѣвъ ярости моея, зане огнемъ рвенія моего пояденія будетъ вся земля“ (Соф. III, 8). „И изліяхъ на ны ярость мою въ огни гнѣва моего, еже скончати я: пути ихъ на главы ихъ дахъ, глаголетъ Адонаи Господь“ (Іер. XXII, 31).

Само собою понятно, что такое паденіе всѣхъ моральныхъ принциповъ и общественно-политическихъ устоевъ должно было вести къ полному социальнo-экономическому краху націи, яркія и глубоко-правдивыя картины чего мы, дѣйствительно, и находимъ у всѣхъ пророковъ этого періода. Такъ, еще раннѣйшіе изъ нихъ говорятъ о полномъ извращеніи всѣхъ основныхъ критеріевъ и понятій: „горе глаголющимъ лукавое доброе, и доброе лукавое, полагающимъ тьму свѣтъ и свѣтъ тьму, полагающимъ горькое сладкое и сладкое горькое“ (Ис. V, 20).

Подобное помраченіе здраваго смысла и извращеніе моральнаго чувства самыми тяжелыми послѣдствіями отразилось на судахъ, гдѣ стала царить неправда, лихоимство. обиды вдовъ и сиротъ, въ угоду жестокосердымъ богачамъ (Ис. X, 2; Іер. V, 28 и пр.). Особенно много вниманія преступленіямъ такого рода удѣляетъ пр. Амосъ. Онъ приглашаетъ окружающихъ язычниковъ (египтянъ и филистимлянъ) быть свидѣтелями тѣхъ безчинствъ и притѣсненій, которыя практикуются въ народѣ Божіемъ, со стороны сильныхъ и богатыхъ, по отношенію къ бѣднымъ и несчастнымъ. Позорнымъ насиліемъ и грабежомъ, обманной торговлей и

взяточничествомъ съ бѣдныхъ, они накопляютъ себѣ неправедныя богатства, строятъ роскошные дома, покупаютъ дорогіе виноградники, утопаютъ въ роскоши и нѣгѣ. Ихъ высокомеріе и гордость можетъ только развѣ соперничать съ ихъ же презрѣніемъ къ народу и полнымъ равнодушіемъ къ его несчастной долѣ. Они всегда готовы—по выраженію пророка—„предать бѣднаго въ руки богатаго за серебро и нищаго за пару сандалій“ (Ам. VIII, 6). Особенно возмущаетъ чистую душу пророка, что предержавшія власти самое *право* превратили въ *отраву*, и изъ суда сдѣлали удобное мѣсто для подкупа и насилія. Но такъ судить и править—безсмысленно и жестоко, это—по удачному сравненію пр. Амоса—все равно, что „пахать скалу волами“ (VI, 12). Глубоко возмущенный всѣмъ этимъ пророкъ восклицаетъ: „о сихъ не возьмется-ли земля, и восплачется всякъ живой на ней, и взыдетъ, яко рѣка скончаніе ея и снидетъ, яко рѣка Египетская“ (VIII, 8).

Такова, въ главныхъ своихъ штрихахъ, глубоко-правдивая и ярко-реальная картина религиозно-нравственнаго и социально-экономическаго вырожденія Еврейской націи въ послѣдній періодъ ея самостоятельной политической жизни. Отдѣльныя черты этой картины настолько жизненны и психологичны, что получаютъ почти вѣчное значеніе и приложимы ко всѣмъ аналогичнымъ явленіямъ, даже и въ нашей современной дѣйствительности. Вотъ почему они и находятъ такой живой и глубокой откликъ въ сердцахъ лучшихъ людей всѣхъ временъ и народовъ.

Какъ бы по контрасту съ современной намъ удручающей дѣйствительностью, взоръ позднѣйшихъ пророковъ все чаще и чаще начинаетъ переноситься къ лучшему будущему, къ свѣтлымъ днямъ Мессіи.

Правда, отъ взора в.-з. человѣчества не было скрыто, что путь къ этому счастью для народа Божія лежитъ чрезъ рядъ самыхъ сильныхъ и жестокихъ испытаній и политическихъ бѣдствій, изображенію которыхъ и посвящена большая часть пророческихъ предсказаній. Но въ то же время пророки ясно видѣли, что всѣ эти бѣдствія имѣютъ лишь временный, преходящій характеръ: онѣ необходимы для Израильскаго народа, какъ сильный очистительный огонь плавленной печи для благороднаго металла.

Но вотъ пророки видятъ, что по скорби дней тѣхъ настаетъ великая вѣчная радость славнаго Мессіанскаго царства. Въ представленіи объ этомъ царствѣ, прежній, сравнительно узкій національно-теократическій идеалъ раздвигается и вырастаетъ до предѣловъ новаго, всемірно-универсальнаго царства, куда, во главѣ съ духовно-обновленнымъ Израилемъ, войдутъ и всѣ языки. Сквозь лучезарный обликъ національнаго Іеговы все яснѣе и яснѣе начинаетъ просвѣчивать универсальный образъ Единаго Бога—Творца неба и земли и общаго отца всѣхъ людей (Ис. VI гл.).

Возвышаясь до ясновидѣнія въ изображеніи внѣшнихъ чисто-историческихъ деталей, связанныхъ съ личностью Мессіи и съ его эпохой, пророки усиленно подчеркиваютъ внутренній, духовно-нравственный характеръ этого царства. Въ этомъ смыслѣ они говорятъ объ „обрѣзаніи сердца“, т. е. перемѣнѣ всего внутренняго настроенія, какъ необходимомъ условіи вступленія въ новое царство, требуютъ „любви“ къ добру и „ненависти“ ко злу, цѣнять уже не внѣшнія поступки а сердечныя, внутреннія расположенія, называютъ будущій завѣтъ—„Новымъ“ и возвышаются даже до мысли о томъ, что „познать Бога—значить „полюбить Его“ (Іер. IV, 4; Іезек. XXIV, 14; Ос. VI, 3, 6 и др.).

Все это—уже черты высшей, духовно-нравственной стороны библейскаго профетизма, характеристическія особенности того „этического монотеизма“, который ставится ему въ крупную заслугу и всей отрицательной критикой.

По этой своей сторонѣ в. з. профетизмъ непосредственно примыкаетъ уже къ проповѣди „евангельскаго христіанства“ и вмѣстѣ съ ней служить къ раскрытію самой идеи царства Божія на землѣ.

За четыре вѣка до явленія Христа пророчество умолкло, такъ какъ Израиль—въ лицѣ лучшихъ своихъ представителей—пророковъ—сказалъ и сдѣлалъ все, что было предназначено ему Промысломъ. Истинное пророчество исчезло, и на великомъ пророческомъ сѣдалищѣ Моисея сѣли книжники и фарисеи. Они, по словамъ Христа и апостоловъ, взяли ключъ разумѣнія закона, воздвигли вокругъ него ограду изъ своихъ толкованій и преданій старцевъ, и положили на сознаніе большинства Израиля то густое покрывало,

которое лежитъ на немъ и до сего дне, при чтеніи В. З. (II Коринѣ. III, 14 с.).

Мы закончили свой сжатый, положительный очеркъ библейскаго профетизма, въ связи съ развитіемъ внѣшней и внутренней исторіи Израиля. Сознаемъ, что онъ по необходимости, въ силу крайней ограниченности срока, вышелъ довольно бѣглымъ и блѣднымъ. Но мы надѣемся его дополнить и окрасить въ послѣдующихъ чтеніяхъ, гдѣ тотъ же самый вопросъ разсмотримъ еще и съ отрицательной стороны, т. е. дадимъ критическій разборъ естественно-натуралистическихъ объясненій этого исключительнаго и наиболѣе характернаго явленія всей Израильской исторіи.

А теперь заключимъ свою затянувшуюся рѣчь тѣмъ самымъ, съ чего ее и начали, т. е. окончательно утвердимъ тотъ тезисъ, что библейскій профетизмъ, дѣйствительно, составляетъ душу всей библейской исторіи еврейскаго народа. Профетизмъ кладетъ на эту исторію такой отчетливый, своеобразный штемпель, который ярко ее характеризуетъ и рѣзко выдѣляетъ изъ исторіи всѣхъ другихъ народовъ. Безъ него вся великая книга народа Божія не была-бы одной цѣльной полной и, болѣе или менѣе, понятной книгой, а представляла-бы собой рядъ отдѣльныхъ, разрозненныхъ листовъ, въ которыхъ трудно было бы что нибудь вычитать, а тѣмъ болѣе—осмыслить и понять.

Что-же касается, наконецъ, личности самихъ библейскихъ пророковъ, то стоя даже на чисто позитивной почвѣ и не касаясь вопроса о сверхъестественномъ характерѣ ихъ служенія, мы, по чувству самой объективной исторической правды, не можемъ не признать въ нихъ лучшихъ, выдающихся людей еврейской націи, ея самоотверженныхъ героевъ и вождей, тѣхъ геніевъ мысли, слова и дѣла, которыми живетъ и растетъ каждая нація, и которыми, въ конечномъ своемъ итогѣ, движется міровой прогрессъ человѣчества.

А. Покровский.
